

МАСТЕРА
ЧАСОВ

ГРЕГ Ф. ГИФЬЮН

СЕЗОН
КРОВИ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(7Сое)
Г51

Серия «Мастера ужасов»

Greg F. Gifune
THE BLEEDING SEASON

Перевод с английского: *Александра Миронова*

В оформлении обложки использована
иллюстрация *Михаила Емельянова*
Дизайн обложки: *Юлия Межова*

© 2018 by Greg F. Gifune
© Александра Миронова, перевод, 2018
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Благодарности

Спасибо моему другу Джону Ру за то, что он всегда рядом. А также моей семье за любовь и поддержку. Особая благодарность Шейну Райану Стейли за его дружбу, поддержку и неувядающую веру в меня.

Этот роман посвящается всей нашей старой компании — живым и мертвым.

Всем воспоминаниям, добрым и плохим.

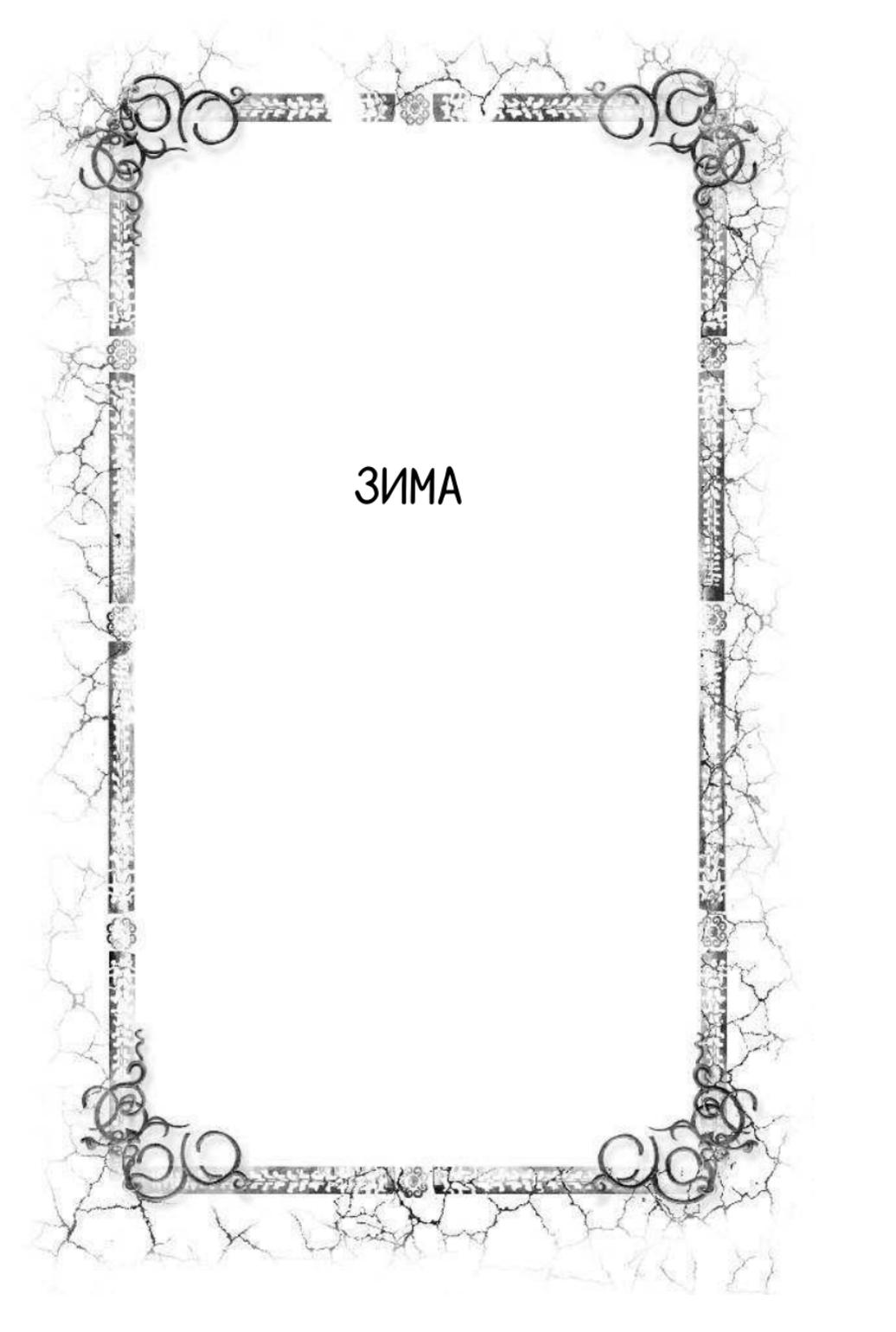
И Джимми Б.: ты нас покинул, но не был забыт.

Увидимся на той стороне.

И, как всегда, моей жене Кэрол с любовью.

Ты говоришь себе, что это дурной сон. Что ты умер — ты, а не другие, — и оказался в аду. Но ты знаешь, что это ложь. Ты знаешь, что это ложь. Сны заканчиваются, но этот кошмар будет длиться бесконечно. А когда люди умирают, они остаются мертвыми — кому, как не тебе, знать об этом лучше других?

Джим Томпсон. Побег

A decorative rectangular frame with ornate, symmetrical scrollwork at the corners and repeating floral patterns along the sides. The frame is set against a background of a cracked, stone-like texture. In the center of the frame, the word "ЗИМА" is written in a bold, black, sans-serif font.

ЗИМА

ГЛАВА 1

Тогда я еще не знал, что в самых темных уголках его разума невозможно было выжить, не пройдя через самые мрачные закоулки моего собственного. Я направлялся вслед за ним в те же глубины Ада, и, хотя он прошел сквозь это пламя по другим причинам, пути наши навечно сплелись. О нем невозможно говорить, не рассказав и обо мне, и, может быть, так выходит правильное всего. В конце концов, Добро даруется свыше.

Зло рождается в человеческом разуме.

* * *

Внезапное вторжение во тьму. Краткая оранжевая вспышка и негромкое шипение горячей спички быстро угасли, оставив после себя запах серы и одинокий уголек, похожий на далекую точку на пустом горизонте. Я оглянулся на женщину, лежащую на кровати, — сигарета свисает с губы, качаются, ласкают кожу щупальца дыма —

и подумал, что, возможно, теперь-то у меня есть повод бояться темноты.

Усталый, все еще сбитый с толку, я отвернулся от нее и попытался сосредоточиться на водовороте мыслей, размывавших сознание...

Наверное, думал я, мы навсегда останемся друзьями. Даже тогда казалось, что оно так и есть, как будто на некоем космическом уровне мы оставались сиаемскими близнецами, и наши жизни существовали как продолжения или ответвления друг друга. Хотели мы того или нет.

Сначала нас было пятеро. Тумми погиб еще в старшей школе. Мы вышли из автобуса и, не глядя по сторонам, выскочили на дорогу. Сбившая Тумми женщина потом утверждала, что не заметила мигающих огней и стоп-сигнала на автобусе. Только что мы все болтали и смеялись, а в следующую минуту раздался глухой удар — настолько неуместный, что я услышал его только после того, как Тумми взлетел в воздух, а машина промелькнула так близко, что на долю секунды я был уверен: она зацепила и меня. Я отшатнулся. Тело Тумми развернулось, извиваясь, как одержимый демонами гимнаст. Машина со скрежетом остановилась как раз вовремя, чтобы поймать его на капот. От удара он снова взлетел в воздух — человек-ядро, беззвучно парящий над землей. В конце концов, под аккомпанемент шлепков ударяющейся о тротуар плоти тело кубарем прокатилось по асфальту, ударяясь головой, изгибая под неестественным углом шею,

вертяться и переламываясь, как будто не имело костей.

Еще два дня после аварии аппаратура поддерживала в нем жизнь, но я понял, что Томми мертв, когда он замер у края дороги: спокойный взгляд, устремленный в необычайно прекрасное небо, струйка крови, стекающая откуда-то из-под светлых волос — пронзительный багровый мазок, еще одна яркая черточка на лице, даже тогда застывшем во все понимающей усмешке.

Томми умер так же, как жил. Как будто ничто на свете не стоило принимать всерьез. Может быть, у тебя есть все время на свете, а может, конец поджидает сразу за углом. Как будто в конечном счете ничто не имело значения. По иронии, в нем всегда было нечто несомненно одухотворенное, точно ему рассказали что-то, нам не известное, и взяли слово молчать.

Даже много лет спустя, когда жизнь, как это всегда бывает, пошла своим чередом, меня не покидали видения: его лицо в тот день, у алтаря — обтянутый белым гроб из полированного дерева в сверкающей позолоте...

Я никогда никому не рассказывал, что через несколько дней после смерти Томми стал повсюду чувствовать его присутствие. Может быть, дело было в чувстве вины — ведь я выжил. Может, Томми пытался попрощаться, как мог. Может, я все придумал. Как бы там ни было, смерть Томми стала вехой в наших жизнях. Какое-то время каждый из нас шел своей дорогой, как расходятся

многие после того, как заканчивается школьная пора и начинается настоящая жизнь. Бернард пошел в морпехи, Дональд поступил в колледж, Рик оказался в тюрьме, а я женился на своей школьной любви. Но уже через год Бернард вернулся домой, серьезно повредив колено во время неудачного прыжка с учебной платформы, и стал продавать автомобили. Рик отсидел положенный срок за нападение и побои. Дональд бросил колледж. А я оставался на все той же низкооплачиваемой работе охранником, на которую устроился вскоре после окончания школы. Приятели-старшеклассники превратились в молодых людей, кое-как справлявшихся с прошлым, настоящим и тем, что им готовило будущее. В печали, в радости и в безразличии, что частенько рождается из повседневности, мы оставались вместе.

Во время нашей с Тони свадьбы Дональд стал моим шафером, Бернард и Рик — распорядителями. Для всех троих эта свадьба была первой и последней. Рик несколько лет жил с одной из своих подруг, он не мог оставаться верным, и их отношения в конце концов распались. Остальные так и остались холостяками. Дональду брак не светил, а Бернард никогда не пользовался особой популярностью у противоположного пола. Он не особенно распространялся о своей жизни вне нашей компании, и, хотя часто рассказывал о каких-то своих победах, мы ни разу не встречали ни одного доказательства и считали его рассказы пустым хвастовством. Он жил с матерью,

вскоре после ее смерти банк забрал дом за долги. После этого Бернارد еще больше отдалился от нас и казался подавленным. Переселился в подвальную квартиру к двоюродному брату в Нью-Бедфорде, в полчасе езды от города, и из-за удаленности и растущей нелюдимости Бернарда мы виделись с ним все реже и реже.

Еще в старшей школе мы купили одинаковые куртки из серебристого атласа и назвались Султанами, единственной бандой в Поттерс-Коув, штат Массачусетс, в других отношениях тихого и непритязательного рабочего городка, уютившегося на побережье к югу от Бостона. Все, разумеется, в шутку, но она значила, что мы — одна команда. Друзья на всю жизнь, всегда готовые прийти на помощь, все те же кровные братья с тех давних пор, когда еще детьми мы набились в шалаш на дереве позади дома Тюмми, прокололи подушечки больших пальцев и «смешали кровь», как герои какого-нибудь второсортного вестерна.

Через девятнадцать лет после окончания школы я стоял у себя в спальне со своей старой курткой в руках и недоумевал, как мы все умудрились так облажаться.

Злился... тянул время...

И нас осталось трое.

Я нацепил куртку обратно на пластиковые плечики, закрыл шкаф и отошел к окну. У меня дрожали руки.

Я не слышал, как Тони выбралась из постели, лишь ощутил тепло, когда она обняла меня сзади.

Ее голос пробился сквозь шепот в мозгу, отвлек от воспоминаний и разговарившегося восхода.

— Почему он так поступил? — спросил я вслух.— Почему он не пришел к кому-то из нас?

Я снова прокрутил в голове мгновение, когда звонок телефона прервал наш сон и на мое ошарашенное и злое спросонья «Алло!» откликнулся голос Дональда, надтреснутый, неуверенный, размытый водкой и лишенный обычных его самоуверенных интонаций, частенько превращавшихся в надменность.

Алан, я... Боже мой, извини, что разбудил, но... Алан, случилось что-то ужасное.

Я обернулся, уже не опасаясь, что Тони увидит мои слезы, и осознал, что она пытается меня утешить, поддержать как умеет.

Ее карие, как у лани, глаза моргали, проясняясь.

— Ты-то в порядке?

Я коснулся ее хрупкого плеча под клетчатой фланелью ночной рубашки. Вспомнив кошмар, прерванный звонком Дональда,— один ужас, сменившийся другим,— глубоко вздохнул и попытался собраться с мыслями. Бернарда больше нет, а мир не заметил. Да и мы не заметили.

— Через час я должен встретиться с Дональдом и Риком.

Она молча прошлепала к кровати, подхватила сигарету из пепельницы на тумбочке и затянулась, прежде чем сунуть ноги в тапочки, похожие на вислоухих кроликов.

Я хотел и дальше смотреть в окно. Наблюдать за тем, как поднимается солнце, потом побрести в гостиную, натянуть наушники и слушать, как «Мамас энд Папас» поют о Калифорнии, мечтах и танцах на улицах, пока за окном с серого неба сыпался холодный серый дождь. Хотел выбросить весь этот бардак из головы.

— Тебе снился кошмар,— внезапно сказала Тони, как будто только что вспомнив.— Я хотела тебя разбудить, но тут зазвонил телефон.

Я зажмурился. В те краткие неопределенные секунды до того, как сумел стряхнуть с себя сон и поднять трубку, я уже знал, что Бернард мертв.

— Он умер пять дней назад.— Я перевел взгляд на скользившие по стеклу льдинки. Дождь превращался в снег. Ночь — в день.— Даже записки не оставил.

— Пойдем,— сказала она и осторожно взяла меня за руку.— Я сварю кофе.

Пока мы шли по коридору, Тони обещала, что все будет хорошо.

Она лгала.

ГЛАВА 2

Мы стояли у железнодорожных путей и разговаривали. Вдалеке свистел приближавшийся поезд, пронзительный ветер играл высокой травой вокруг. Снег снова превращался в легкий, но ледяной дождь.

Все казалось ненастоящим.

Дональд раздраженно вскинул покрасневшие глаза.

— Почему, собственно, мы тут торчим?

— Уединение.— Рик оглядел сорняки, парковку и забегаловку на другой стороне, потом посмотрел на часы.— Кроме того, они откроются только через несколько минут.

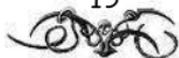
Разыскивая по карманам плаща сигареты и зажигалку, Дональд закатил глаза и вздохнул. Его дыхание тут же превратилось в дымное облако, которое повисло над головами, сцепившись с нашими выдохами, как воинственное привидение.

— Да боже мой, здесь так холодно.

— Не ной, Донни.— Рик выкатил грудь, как бойцовский петух, и скрестил перед собой руки.— Так что именно сказал его двоюродный брат?

Я сунул руки в карманы кожаной куртки, пошаркал ногами и посмотрел на Рика, которого непогода, кажется, совершенно не беспокоила. Наши различия в этот момент были отчего-то особенно заметны, и я изумился тому, что мы оставались вместе вопреки столь разительному несходству.

«Как части целого»,— говорил когда-то Томми. Нашего первого, давно похороненного главаря в какой-то момент сменил Рик, совершенный альфа-самец, не упускавший возможности напомнить, какие мы жалкие и как из нас не вышло чего-то и вполнину стоящего, но всегда готовый нас защищать и спасать в случае чего.

Дональд пытался зажечь сигарету на усилившемся ветру. Его глаза с темными кругами, казалось, запали глубже, чем обычно, лицо было бледнее, все тело выглядело еще более тощим, почти изможденным.

— Я позвонил ему около десяти вечера.— Ему наконец удалось зажечь сигарету.— Я выпил, не знал, что уже так поздно. Наверное, разбудил его брата, он казался сонным. Бернارد несколько раз звонил мне, оставлял сообщения на автоответчике, но я все не мог собраться и перезвонить, а тут решил узнать, как он там.

Его прервал пронесшийся мимо с оглушительным гудением поезд. Мы наблюдали за почти бесконечной вереницей грузовых вагонов, пока они не скрылись за поворотом.

— Мусорный поезд,— объявил Рик, как будто только он обладал столь сокровенным знанием.

Тощее тело Дональда пошатывалось от ветра. Длинными тонкими пальцами он пригладил редящие волосы.

— Когда я попросил позвать Бернарда,— продолжил он,— его брат ничего не сказал, и я сначала подумал, что соединение оборвалось. Но потом я услышал, как он дышит, и понял... понял, что-то случилось. В конце концов он сказал, что, мол, ему очень жаль, но Бернارد ушел из жизни. Именно так и сказал: ушел из жизни.

— Все еще в голове не укладывается.— Рик покачал головой, и стала особенно заметна покрывавшая ее синяя бандана и болтавшийся в

ухе маленькой золотой крестик. Рик был загорелым, подтянутым и мускулистым, выглядел лучше и моложе нас с Дональдом и прекрасно это осознавал. Он участвовал в спортивных играх, качался, не курил и редко пил. Даже не начал терять волосы. Тщеславие, боевитость, секс с молодыми женщинами — вот слабости Рика, и он предавался им всем, работая вышибалой в местном клубе.

— Я спросил, что случилось,— без выражения продолжил Дональд, затягиваясь с бездумным автоматизмом.— Он ответил, что нашел Бернарда во вторник вечером.

— Господи,— вздохнул Рик.— Он умер так давно, а мы даже не знали.

Дональд отвел глаза.

— Он ничего больше не говорил, и я снова спросил, что случилось. И тогда он сказал, что Бернард повесился.

Я отмел мелькнувший перед глазами образ подвешенного к стропилам безвольного тела. Подумал было, не рассказать ли о кошмаре, и решил, что не стоит.

— По закону штата, если смерть наступила без свидетелей, проводится вскрытие,— пояснил Дональд.— Разумеется, смерть Бернарда признали самоубийством, но, судя по всему, у его двоюродного брата не было средств на похороны, а сам Бернард совсем разорился, так что...

— Почему этот придурок не позвонил кому-то из нас? — рывкнул Рик.— Об этом ты его спросил?

